

Эйв Дэвидсон

Выстрел

Пер. - М.Кондратьев.

В той части нашей страны, где вечер наступает "после полудня", а фейерверк устраивают раз в год, на 25 декабря, есть провинциальный окружной центр, в котором можно увидеть большую, покрытую белой краской постройку, фасад которой украшает надпись:

ДЖЕЙМС КАЛВИН "ДЖЕЙСИ" УИЛЬЯМ
БАКАЛЕЙНАЯ ТОРГОВЛЯ ЗА НАЛИЧНЫЕ

Уильям также владеет большей из двух хлопкоочистительных машин, автомобильным агентством, единственной приличной гостиницей, продуктовой биржей и немалым количеством коммерческих предприятий, а заодно кое-какой недвижимостью. Но было бы ошибкой предположить, что он "владеет городом". Город принадлежит всем, кто в нем проживает, а его жители - гордые и независимые люди. Они выбрали Джеймса Уильяма своим мэром и намерены выдвинуть его на пост сенатора штата либо окружного судьи - по его выбору, но не потому, что многие работают на него, а потому что они любят и уважают Уильяма. Никто не завидует его успеху. Люди чувствуют, что он заслужил его своей тяжелой работой.

Дом мистера Уильяма находится неподалеку от его конторы, а его жена, двое дочерей и повар всегда рады сварить ему чашку кофе перед полуднем. Впрочем, обычно мистер Уильям посещал с этой целью кафе Тэрбифулла на противоположной стороне улицы. В утро, о котором идет речь, он немного постоял у двери, чтобы поболтать с хозяином кафе. Когда Уильям наконец уселся на табурет, человек за стойкой уже налил ему кофе. Попробовав напиток, Уильям нашел, что тот вполне соответствует его вкусу.

- Вижу, тебе уже сообщили, что мне нравится, - заметил он буфетчику.

- Так точно, сэр, они и впрямь сказали мне, - проговорил мужчина, чуть улыбаясь. У него было красное помятое лицо и довольно кривая улыбка.

Рядом с Уильямом уселся тощий посетитель с лукавой физиономией и седыми волосами.

- Ты уже решился, Джейси? - спросил он. - Будет ли это "сенатор" Уильям или "судья" Уильям?

Это был шериф Том Уиллер, хороший старик, но болтун по натуре.

- Ты узнаешь об этом первым... - Уильям отпил глоток кофе. - Только дело в том, что мне не хочется торчать в столице штата. Ведь я старый деревенский трудяга.

Шериф заказал сладкое молоко и пирог.

- Законодатели собираются лишь раз в пару лет, - заметил он, после чего они продолжали обсуждать этот вопрос, пока не покончили с завтраком и напитками.

У двери Уильям помедлил и спросил у шерифа и хозяина кафе:

- Кто этот новый буфетчик? Кажется, я где-то встречал его раньше.

Оба покачали головами. На другом конце зала буфетчик запел, нарезая сыр:

Есть на небе Божье Око,

то, что видит всех насквозь...

Мужчины улыбнулись, Тэрбифулл потер тяжелый подбородок и пробормотал:

- По-моему, он чуток простоват. Но он хорошо работает. Звать его Джемми, а привел его вчера наш проповедник.

- Он поет гимны, как настоящий святоша, - кивнул Уильям. - Ну, пока.

Пересекая улицу, он не мог избавиться от мысли, что где-то встречал этого человека.

Мистер Джейси - так звали его все, включая жену, - не был уроженцем города (вернее,

поселка) Калхоун. Он прибыл сюда лет тридцать тому назад из другой части штата с пятью тысячами долларов. Джейси купил лицензию на торговлю тракторами и маленькую ферму. Местные фермеры тогда все еще предпочитали мулов, но успех Джейси Уильяма убедил многих из них попробовать трактора. Он так и не упустил удачу, хотя в годы депрессии нередко еле сводил концы с концами.

Но все это было в прошлом, а он редко говорил о прошлом. Жителям Калхоуна было известно о его ранней жизни только то, что он вырос на ферме и побывал на первой мировой войне, хотя она закончилась прежде, чем Уильям отправился за океан. На параде в День памяти союзных войск он щеголял в форме местной организации ветеранов. Единственный родной брат Уильяма умер несколько лет назад, и он уезжал на его похороны. Но вообще-то Джейси редко покидал округ.

По утрам, за чашкой кофе у Тэрбифулла, его беспокоили слабые, но настойчивые отголоски воспоминаний, когда он смотрел на буфетчика или слышал, как тот пел:

Господь, единственный мой пастырь,
благослови мой путь домой,
Веди меня в зеленые долины,
где осенит меня покой...

Однажды Джемми, заваривая кофе с обычной для него кривой улыбкой, обратился к Джейси.

- Ваши девочки, мистер Уильям, - сказал он, - показались мне сегодня утром парой ангелочков, когда малютки садились в автобус до Трех Родников. Должно быть, они очень гордятся своим отцом, которого непременно назначат большим начальником.

Джейси решился: он будет баллотироваться на должность окружного судьи. Ведь, как полусутоливо заметили его друзья, Гарри Трумэн тоже был окружным судьей, прежде чем стал сенатором - не говоря уже о достижении более высокого поста.

- Я тоже горжусь ими, - с улыбкой поделился Джейси и, продолжая изучать взглядом буфетчика, застенчиво опустившего глаза, спросил: - А ты, случаем, не боксируешь, Джемми?

Буфетчик кашлянул, и на вопрос ответил шериф Уилер, поставивший на стойку стакан сладкого молока.

- Следы на его лице оставлены не боксерами, - пояснил шериф. - Это поработали охранники в тюрьме штата, верно?

Буфетчик кивнул. Его улыбка не изменилась.

- В те времена я строил из себя крутого парня, - сказал он. - Но полицейские были еще круче. - Он усмехнулся, будто вспоминая добрую шутку.

- Джемми освободил досрочно старый губернатор Анструтер, - продолжал шериф. - За то, что тот помог потушить большой пожар в тюрьме...

Джейси кивнул и сказал, что помнит тот большой пожар.

- И за то, что он вытащил троих охранников, потерявших сознание от дыма.

Уильям снова понимающе кивнул.

- То-то твое лицо показалось мне знакомым, - сказал он наконец Джемми. - Наверное, я видел его тогда в газетах.

- В молодости я был не прочь побузить, - равнодушно произнес бывший заключенный, и в глазах у него промелькнул странный огонек. - Быть может, женись я тогда и остепенись - и у меня теперь была бы славная семья, как у вас, мистер Джейси.

Их глаза встретились, и буфетчик продолжал, не опуская взгляда:

- Конечно, если бы я вначале женился, а потом попал в беду, дети стыдились бы меня... Ну а вашим детишкам, мистер Джейси, и вовсе нечего стыдиться за отца.

На улице, движимый необъяснимым любопытством, Джейси Уильям спросил у шерифа, за что именно угодил за решетку Джемми.

Шериф задумался.

- Он рассказывал мне, что пытался бежать и, само собой, получил новый срок... Ты

имеешь в виду - в начале? Кажется, он в кого-то стрелял. Шериф повернулся к Уильяму. - Ты ведь родом из округа Крукшенк? - Уильям кивнул. - Вот там это и случилось. В начале двадцатых. Его полное имя было... Джеймс Бакстон, точно. Ты слышал о нем?

Мисс Лиззи, как все звали жену Джейси, никогда не запрещала мужу держать в доме бутылку спиртного. "Пусть уж выпивает хотя бы часть своей нормы дома, у меня на глазах", - объясняла она. Не то чтобы Уильям много пил дома или где-либо в другом месте. Но Лиззи была склонна к преувеличениям. В этот вечер, как обычно, глава семьи выпил стаканчик виски с водой за полчаса до отхода ко сну. Он выпил его медленно, сидя в своем любимом кресле.

Округ Крукшенк. Фермерский край? Нет, почва там уже истощилась, вымывается дождями. Может, край лесозаготовок? Но лес был почти весь вырублен, а новый не насажен. Место было скудное. Да и времена тоже. Джеймс Бакстон? Да, Уильям его помнил. Бакстон ограбил дорожное управление, взяв жалованье. За ним была погоня, и он ранил одного из преследователей - но не смертельно. Потом преступник исчез, и все обросло слухами. Слухи приписывали ему руководство бандой с запланированными налетами на местные банки и прочие вопиющие разбои, - один из слухов, кстати, касался единственной действующей лесопилки. Все они позже оказались ложными, но сработали: за поимку Бакстона была назначена сумма в 5000 долларов. И случилось так, что получившим эти деньги человеком был Джеймс К. Уильям.

Прикончив свой стакан "тодди", Джейси смешал себе новую порцию, на этот раз с меньшим количеством воды. Прошло тридцать лет, и никто еще ни разу не упомянул при нем о деле Бакстона. Никто не знал о нем, потому что дело было в дальнем уголке штата. Никто и не подозревал, что основанием "удачи" Джейси Уильяма послужили деньги, полученные им за сдачу властям Бакстона. Но теперь существовала опасность, даже угроза того, что скоро все могут узнать об этом.

Джейси попытался вспомнить черты молодого парня тридцатилетней давности, чтобы сравнить их с лицом прототипа-буфетчика в кафе Тэрбифулла, но слабеющая память могла лишь подсказать ему, что он где-то видел этого человека. Когда он в последний раз вспоминал Джеймса Бакстона? Он не мог припомнить и этого. Ведь тот поступок не относился к тем, о которых постоянно напоминала совесть. Он получил премию, приехал с деньгами в Калхоун, потом усердно работал, женился, создал семью... он был слишком занят, чтобы размышлять о прошлом.

"Ваши девочки... должно быть, они очень гордятся своим отцом..." Так сказал Бакстон. "Ну а вашим детишкам, мистер Джейси, и вовсе нечего стыдиться за отца". Какие странные у него были глаза, когда он это говорил, подумал Уильям, холодея от страха.

Что замышляет Бакстон? Почему он приехал именно сюда? Это явно не случайно. Может, он собирается попросить денег? Шантажировать за потерянные в тюрьме годы, за избиения, за скотскую жизнь за решеткой в течение долгих-долгих лет? Или его месть примет более определенную форму? Насилие. Выстрел темной ночью. В голову Джейси вдруг пришла мысль, от которой у него дрогнули сомкнутые на стакане пальцы.

Бакстон упомянул его дочерей, и сделал это дважды. Что, если таков его замысел? И что в этом случае может сделать Джейси? Чем вообще он может ответить? Рассказать шерифу. Попросить защиты у властей. Уильям поднялся из кресла. И тут же снова сел.

Если он поговорит с шерифом, ему придется рассказать все. Бакстон освобожден не условно, а по амнистии. Он никому открыто не угрожал, не нарушал закона. Шериф удивится и скажет: "Не понимаю, Джейси. С чего он захочет расквитаться с тобой или твоими дочерьми?"

Потому что тридцать лет назад, вынужден будет сказать Уильям, я поговорил с шерифом округа Крукшенк так, как сейчас с тобой, и сказал ему, что Джеймс прячется в амбаре своего дяди. После этого шериф Лонстоф с тремя помощниками пошли туда и взяли Бакстона без сопротивления, а потом его судили и дали ему срок, а я получил причитавшиеся мне по закону 5000 долларов.

Если он скажет это Тому Уилеру, то получит необходимую защиту. Его опасениям придет конец. Вместе с политической карьерой и положением уважаемого гражданина своего города.

Ведь Джейси знал людей, среди которых жил. Никто не обвинит его в лицо, никто не ухмыльнется и не плюнет в него. Но никто отныне не пожмет ему руку, не улыбнется и не поговорит с ним, как не примет от него хлеба и не обратится за советом.

И они наверняка никогда не проголосуют за него. Он мысленно слышал их пересуды, зная, что они о нем скажут.

Джеймс Калвин Уильям мог совершить убийство или изменить жене, но при этом его могли либо простить, либо просто не отреагировать.

«Что ж, мы грешны, если подумать как следует».

Но когда люди узнают, что он получил деньги за доноительство, прощения не будет. И не может быть.

«Я простой человек, это так, но никогда не предавал ближнего за деньги».

Наконец Джейси поднял глаза на настенные часы, и непрошенные мысли унеслись прочь. Он позвал жену - в это время она всегда готовила себе на кухне стакан горячего сладкого молока, чтобы посмаковать его за чтением ежевечерней обязательной главы из Библии.

- Лиззи! - окликнул он. - Где девочки? Разве они до сих пор не вернулись?

Она что-то ответила (он не расслышал), затем подошла к двери. Лиззи уже была в ночной рубашке, с бигуди в волосах.

- ...они вернутся не раньше полуночи, - добавила она.

Уильям со стуком опустил стакан и поднялся.

- То есть как "не раньше полуночи"? - переспросил он.

Она посмотрела на него, поджав губы с шутливым укором, и покачала головой.

- Не знаю, где блуждают твои мысли с тех пор, как ты пришел домой, Джейси. По-моему, ты не понял ни слова из моего объяснения. Будь повнимательнее, и я повторю тебе снова: они отправились в Три Родника на школьный праздник осени вместе с большинством мальчиков и девочек нашего города. - Она нахмурилась. - Не понимаю, почему ты сердишься. Волноваться здесь не о чем. Наш проповедник, преподобный Пауэлл...

Слово "проповедник" прозвучало тревожным сигналом в мозгу Джейси, и он лихорадочно попытался проследить его к источнику тревоги. Почему его испугало упоминание о священнике маленькой некрашеной церквушки возле хлопкоочистительной машины?

Тем временем Лиззи, пристально глядя на мужа, продолжала:

- Он был категорически против того, чтобы девочкам пришлось пересечь половину округа ночью в машинах молодых людей. Пауэлл считает это неподобающим и небезопасным, ведь некоторые из них могут очутиться в ресторанчике с музыкальным автоматом или Бог знает где еще. Право, я слышала, что многие мальчики были не слишком довольны этим, но...

В мозгу у Джейси что-то щелкнуло; его охватило чувство уверенности и внезапного страха.

- Мать... скажи мне, кто ведет автобус? - И он и жена знали, что школьный водитель работал на укороченной смене с шести до полуночи на местной электростанции.

- А в чем дело? - раздраженно спросила Лиззи.

- Кто ведет автобус?! -

Она изумленно качнула головой, облизала губы.

- Ну тот краснолицый парень... Как там его зовут? Проповедник говорил... ну подскажи мне. Ты должен знать, он работает у Тэрбифулла. У него все лицо в каких-то отметинах...

Они стояли в конторе шерифа, глядя друг на друга, то отворачиваясь, то уставясь на стол, заваленный листовками ФБР, которые шериф не выбрасывал до официального уведомления об отмене.

- Черт меня поberi, - с десятой попытки и значительно смягчив выражение из уважения к миссис Уильям и преподобному Пауэллу, пробормотал шериф.

Тощий, заурядный с виду священник, с усталыми глазами изнуренного многолетней борьбой с дьяволом и не уверенного в победе над ним человека, повторил то, что говорил уже много-много раз:

- Я бы не переживал так на вашем месте, брат Уильям и сестра Уильям. Я ничуть не сомневаюсь, что брат Бакстон, несмотря на его прошлое...

Джейси резко повернулся, подошел к окну и, прижимая ладонь ребром к стеклу, чтобы защититься от яркого солнца, выглянул на улицу.

- ...сейчас он истинный христианин. О, я бы не переживал.

- К тому же девочки не одни, - добавила Лиззи. - Эти большие ребята из старших классов не позволят ему поступить плохо, они...

- Они могут и не успеть остановить его, - резко повернулся к ней муж. Его лицо исказилось, но он взял себя в руки и продолжал: - Парень может свернуть с дороги или нечто в этом роде. - Неожиданно Уильям обнял жену. Господи, пусть он делает что угодно со мной, лишь бы не обидел девочек!

- Сколько времени понадобится вашим помощникам, чтобы догнать автобус и посадить в него одного из них? - спросил священник у шерифа.

Взглянув на часы, шериф было открыл рот, но вдруг зазвонил телефон. Он приложил трубку к уху, и лицо его застыло. Посмотрев на Уильяма, он быстро - слишком быстро - отвернулся. Затем что-то тихо спросил и сказал, что немедленно выезжает.

Все окружили шерифа, осыпая его вопросами, но он покачал головой, выпроваживая их из конторы и обещая рассказать обо всем по дороге.

Была темная ночь. На дороге почти не было машин, и автомобиль шерифа несся по ней без помех.

- Он сказал "девочка" или "девочки"? - переспросил, чуть успокоившись, Джейси. Жена плакала у него на плече.

- Кажется, упомянул одну девочку, - проговорил Том Уилер. - Я не хотел терять время на расспросы. Он сказал, что школьный автобус остановился у его заправочной станции и все в нем кричали и вопили, будто одна из девочек застрелена, а водитель подрался с одним из мальчиков, - вот и все.

Священник глубоко вздохнул.

- Все равно я не могу думать о нем плохо.

- Предоставьте судить об этом мне. Мои грехи нашли меня, - спокойно сказал Уильям. - Не выдай беглеца - разве не так сказано в Библии? С тобой другое дело, Том. Ты должен делать свою работу. Ну а я нарушил заповедь ради денег. Мне казалось, что я поймал свою удачу. Я знал, где он прятался, знал, что у меня никогда не будет шанса найти пять тысяч долларов. Едва дело было сделано, как я забыл о парне, будто его на свете не было. Не думал я и о том, как он жил, вернее, гнил в тюрьме...

Наконец они приехали.

Ученики собрались у школьного автобуса; они стояли, тихо переговариваясь друг с другом. Один из помощников из Трех Родников шагнул к выскочившим из машины людям.

- К счастью, ничего серьезного, - произнес он. - Пуля слегка оцарапала ей плечо. Но девочка была в шоке, почти в истерике, и поэтому...

- Кто из девочек? - жестко осведомился Джейси, обводя взглядом толпу.

- Это Грейс или Эллен? - задрожал голос его жены.

Лицо помощника шерифа изумленно сморщилось.

- Да нет, кажется, ее зовут Нэнси. Нэнси Фэншоу. Так вот, я уже отправил ее назад в Три Родника в машине доктора... Пройдемте на станцию, шериф.

Шериф ушел вместе с помощником, за ними последовал священник.

- Эй, папа! Что ты здесь делаешь?

- Посмотри-ка, Грейс! Мама тоже здесь!

Тут Джейси потерял самообладание и, прижимая к себе дочерей, начал всхлипывать, а Лиззи торопливо объяснила им ситуацию. В дверях появился помощник и пригласил Джейси войти внутрь.

В крошечной конторе находились Бакстон, шериф со священником, двое старшеклассников, хозяин бензоколонки и вошедшие помощник с Уильямом. Помятое лицо Бакстона осталось спокойным, когда он поднял глаза и увидел Уильяма. Он лишь медленно кивнул.

- Я вовсе не хотел поранить ее, - объяснял один из ребят. - Я просто захватил с собой пистолет. - Он кивнул в сторону лежавшего на коробке с ракетами от фейерверка оружия. Это был маленький, игрушечный на вид револьвер. Перламутровая пластина на одной из половинок рукоятки треснула. - Я взял его просто чтобы пострелять из окна... - Неожиданно паренек что-то вспомнил. - Он принадлежит моему папе. Если он узнает об этом, он меня выпорет. - Ученик уронил голову и расплакался.

Священник робко приблизился, положил ладонь на голову мальчугана и нагнулся, чтобы прошептать ему что-то на ухо. Вдруг заговорил другой паренек, бледный, с побелевшими губами, не спускающий глаз с ученика, который "просто захватил пистолет".

- Если что-то случится с Нэнси... - Он подался вперед, и Джемми Бакстон положил руку ему на грудь сдерживающим жестом. - Если она сильно ранена...

- Ничего страшного, - успокоил Бакстон.

- Если она умрет...

- Чепуха, завтра утром она съест на завтрак полдюжины яиц, - снова перебил Бакстон.

- Если что-то случится с Нэнси, я убью тебя. Клянусь, что убью. Даже если на это уйдет десять лет.

- Я просто хотел попугать их, чтобы повеселиться. Вынул свой пистолет, но автобус вдруг подпрыгнул на ухабе, и пистолет выстрелил...

- Пусть меня повесят или упекут в тюрьму на всю жизнь, я доберусь до тебя, так и знай...

Бакстон повернулся, очутившись лицом к лицу с дружкой Нэнси. Он взял его за плечи и впился в них пальцами. Юноша вздрогнул, отвел глаза от паренька, которому угрожал, и уставился на Бакстона.

- Вот ты говоришь о тюрьме, - заговорил Бакстон. - Болтаешь, что "доберешься" до кого-то. Но ты никогда не был в тюрьме, а я был. Я побывал в двух тюрьмах и на трех тюремных фермах. Я поступал плохо, когда был чуть старше тебя, и отправился в тюрьму по заслугам.

Он помолчал. Снаружи доносились голоса учеников, но в комнате все молчали.

- Но меня мучила одна мысль. Она прямо-таки сводила меня с ума. Почему меня поймали? Человек, которого я знал - не слишком хорошо, но мы были знакомы с мальчишеских лет, - сдал меня властям за премию. Он предал меня из-за денег.

Джейси поймал на себе взгляд шерифа и кашлянул.

- Джемми...

Бывший заключенный не обратил на Уильяма внимания и не ослабил хватки своих пальцев. Паренек поежился, но не возражал.

- Каждый раз, когда меня пороли - а они пороли меня часто и не так, как выпорот этого мальчугана отец, а большим кожаным ремнем с латунными заклепками, - я думал о человеке, упрятавшем меня туда, где я был. Я думал о нем день и ночь. Ты хочешь до кого-то "добраться", не зная, что такое жить год за годом с единственной надеждой отомстить. Я попытался бежать. Они поймали меня, дали новый срок. Желание отомстить, отплатить этому типу той же монетой мучило меня день и ночь. Эта тяжелая ноша причиняла мне ужасную боль, и однажды я понял, что не выдержу. Тогда я снял эту ношу. Некоторые заключенные смеялись надо мной, когда я принял религию. Пусть так. Хотя я оставался в тюрьме, но чувствовал себя свободным. Я простил этого человека, и боль сразу покинула меня.

Неожиданно Бакстон как бы очнулся. Он улыбнулся и ослабил пальцы. Паренек вздохнул, его щеки порозовели, и он медленно улыбнулся в ответ. Бакстон повернулся к остальным.

- Кого я вижу! Проповедник... шериф... мистер Джейси...

- Пора отвезти ребят назад в город, - заговорил шериф. - Их родители, наверное, всполошили весь округ.

- Джемми, - пробормотал Уильям.

- Да, мистер Джейси?

- Тот человек, упрятавший тебя в тюрьму...

- Как его звали? - договорил вдруг за него мальчуган, потирая плечо рукой.

На лице Бакстона появилась озадаченная гримаса, затем он снова улыбнулся.

- Не знаю, - проговорил он радостным голосом. - Не помню. - Он обвел всех взглядом. - Я снял с себя ношу и не хочу поднимать ее опять. Бакстон кивнул людям и вышел в ночь. - Всем в автобус! - донесся снаружи его голос. - Всем живо в автобус!

- Идем, - сказал шериф, избегая смотреть на Джейси. Мальчуганы поднялись, чтобы покинуть комнату. - Кажется, вы, Уильям, и миссис Лиззи хотите вернуться вместе с девочками в автобусе? - добавил Уилер. Пожалуйста... у меня в машине уже нет места.

Все потянулись к двери и покинули контору.

- Забудь все, что я сказал, это была плохая шутка, - сказал один из ребят другому.

Уильям покинул комнату последним. Его плечи согнулись. Он казался очень усталым. Он брел медленно, как человек с тяжелой ношей...